

ЮРИЙ ПИОНЕРОВ

ЛЕВ СТАРОВ

ГРАЧ

НАЗАД В 90-е

ТОМ 9

Юрий Пионеров
Грач. Назад в 90е Том 9

«Автор»

«Автор»

2026

Пионеров Ю.

Грач. Назад в 90е Том 9 / Ю. Пионеров — «Автор», «Автор»,
2026

В день своего пятидесятилетия Данила Грачёв отдал за кекс последнюю мелочь: его торговую империю забрали люди, которым он доверял. А утром он проснулся двадцатилетним. На кухне мать печёт пирожки, отец бережёт девять тысяч на «Жигули», за окном — ноябрь 1991-го. Через пятьдесят два дня эти деньги почти ничего не будут стоить. Данила знает, что случится с ценами. Но знание не купишь в магазине и не предъявишь вместо денег. Есть дембельские триста рублей, голодный друг Бугай с плечами грузчика и сестрёнка, которая требует расписку даже за четырнадцать рублей. Есть ещё отец: он лучше доверит сыну сварочный аппарат, чем семейные сбережения. За несколько недель Даниле нужно превратить эту горсть рублей в дело, которому поверит отец. И сделать это на рынке, где каждый удачный товар замечают быстрее, чем успеваешь пересчитать выручку. Успеет ли Грач занять своё место — прежде чем его займут другие?

© Пионеров Ю., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Юрий Пионерov, Лев Старов

Грач. Назад в 90е Том 9

Глава 1

Вернулся к строке про печать. Если районное управление оформляло документы для скупки активов, здесь работали служебные связи. Но сначала надо увидеть отпечаток: вдруг им удостоверили только копию? Пометил вопрос Костину, чтобы спросить при следующем разговоре.

Если я напишу стандарт, который учитывает реальные затраты и исключает маржу посредников, я ударю по этой схеме напрямую. Но Пастухов согласует каждую строку. Он не даст разорить сына своего племянника.

На конкурсе наши варианты поставят рядом. Тогда вместо спора о том, кто умнее, я предъявлю расходы по каждому рейсу. Сколько получит бюджет, сколько останется перевозчику, сколько уйдёт посреднику. За последнюю сумму Пастухову придётся объясняться отдельно.

Прикрыл глаза и подложил под голову свёрнутое пальто. С утра нужна новая папка под кодекс; в московской перемешались распоряжения и доказательства.

На станции я проснулся от рывка под колёсами. Снял сумки с багажной полки, помог Кузе собрать коробку, а Палыч пристегнул поводок Найде.

Утро встретило нас серостью и запахом дизельного топлива. Областная станция шумела толпой пассажиров. Кузя раздавал проводницам пряники, те хихикали и гладили Найду. Палыч проверял колёса грузовика, который Кулагина прислала к областной станции. Погрузили сумки и через полчаса добрались до базы.

Я шёл к складу быстрым шагом, несмотря на недосып. Административное здание склада выглядело привычно: ржавые ворота, бетонная площадка, ряды фур. Внутри пахло кожей, деревом и машинным маслом.

Бригада собралась в кабинете завсклада. Кулагина стояла у окна, скрестив руки. Мазай сидел на стуле, полируя ботинок тряпкой. Ещё десять рабочих теснились между стульями и подоконником.

— Приехал, — Мазай сунул тряпку в карман и опустил начищенный ботинок на пол. — Живой?

— Живой, — сел за большой стол из сосновых досок и отстегнул портфель. — Но с работой.

Кулагина подошла ближе.

— Что там в Москве? Пастухов сломался? — Кулагина развернула местную сводку и положила передо мной.

— Почти, — достал выписку комиссии и протянул Кулагиной через сводку. — Он признал источник нормативов. И предложил мне писать стандарты.

В кабинете повисла тишина. Рабочие переглянулись.

— То есть теперь ты чиновник? — старый водитель с седыми бакенбардами протиснулся между стульями и прочёл выписку через плечо Кулагиной.

— Нет, — ответил я, показав водителю название статуса. — Я общественный эксперт: документы должны давать в течение часа. Первую редакцию тоже пишу я.

— Красиво звучит, — Кулагина дочитала мандат и вернула мне. — Только вот зачем ему это?

— Затем, что он уже купил долги мелких перевозчиков, — пояснил я, открывая сообщение Костина. — «ТрансЛайн». Знаете такую?

Водитель с бакенбардами сплюнул себе под ноги. Мазай ткнул его локтем: здесь всё-таки сидела Вера Ивановна.

— Знаем, — Мазай подвинулся, уступая водителю место у стола, и подозвал его к разговору. — Они скупают векселя по бросовой цене. Говорят, если не платишь вовремя, приходят они. Забирают машины с лицензиями, под себя сгребают маршруты.

— Это Пастухов, — сказал я, показывая Кулагиной фамилию в доверенности. — Он использует их как инструмент давления. Чтобы когда я напишу стандарт, рынок был уже занят его людьми.

— Значит, он хочет тебя купить, — Кулагина вернула мне аппарат и прижала им край выписки. — Сделать соучастником.

— Верно, — забрал телефон с выписки и положил перед рабочими двухнедельное распоряжение. — Но он ошибается в одном. Он думает, что я буду писать правила под его людей. А я буду писать их так, чтобы его люди выпали из колеи.

В портфеле нашлась тонкая картонная папка. Я вынул её, написал маркером «КОДЕКС. ПРОЕКТ» и уложил рядом с распоряжением. Водитель с бакенбардами подвинул свои бумаги, чтобы поместилась и она.

— Нам нужно писать кодекс, — я принял от водителя первый расчёт и подложил под обложку. — Такой, чтобы каждую цифру можно было проверить весами, а не подписями. Где стоимость километра считается не по марже Управления, а по реальному расходу топлива, износу шин и зарплате водителя.

— Это займёт время, — Мазай взял расчёт и проверил дату в верхней строке. — У тебя две недели по их срокам.

— У нас есть штаб, — забрал расчёт у Мазая и вписал на полях, какие данные нужны от водителей. — Люська ищет печати. Костин пробивает связи. Груздев держит комиссию в тонусе. Соловейчик держит подготовленный материал до подтверждения. Нам нужны точные данные. Пусть каждый водитель принесёт цифры со своей фуры; сам сяду сверять.

Рабочие задвигались. Из карманов появились блокноты, на стол лёг первый калькулятор.

— А если Пастухов заблокирует согласование? — водитель с бакенбардами достал свой блокнот и задержал карандаш над списком расходов.

— Тогда мы опубликуем проект как альтернативу государственному, — дописал перечень затрат и передал его водителю. — И докажем, что он выгоднее. Комиссия любит деньги. Если наши расчёты покажут большую эффективность для бюджета, они выберут нас. Даже вопреки Пастухову.

Сказал это при всех, и теперь отступить к предложенной должности стыдно. Водитель с бакенбардами перечитывал мой список. Скоро принесёт чеки, потом спросит, куда делись его расходы в окончательном нормативе.

Кулагина потянула кодекс к себе, удержав локтем нашу местную сводку.

— Первая строка? — Кулагина раскрыла папку и подложила под обложку выпадавшую ведомость.

— «Нормативы должны основываться на фактических затратах», — прочитал я вслух и вписал эту строку над расчётом.

— Это война, Данька, — сказала она, показывая остальным рабочим мой перечень.

— Да, бумажная, — собрал выписку с распоряжением и убрал отдельно от рабочих листов. — Тут уж ошибку в счёте они нам припомнят.

К вечеру люди разошлись за путевыми листами и чеками. Кулагина раскрыла кодекс на новом развороте и придвинула мне карандаш.

— С них начнёшь? — она постучала по ведомости водителя с бакенбардами и вынула из неё первый чек.

— С них и начну, — подвинул лампу к цифрам и расправил смятый уголок. — Если бумага левая, пусть выяснится здесь, пока мы сидим за своим столом.

Первый же рейс пришлось пересчитывать. Водитель указал полный бак, но приложил чек только на часть бензина. Остальное, по его словам, долил из собственной канистры. Я выписал объём отдельно, а под ним оставил графу для подтверждения. Пастухову такой пробел понравится: покажет пальцем и объявит выдуманным весь расчёт. Зачеркнуть расход тоже нельзя. Фура на одном честном чеке обратно не доедет.

— Чеки соберём, а то, что со слов, вынесем отдельно, — Кулагина разложила листы по двум стопкам и придвинула ко мне пустой бланк. — Пусть водители подпишутся под своими объяснениями.

Я вписал номер машины, проставил дату и потянулся к следующему листу. От сидения ныло между лопатками. В Москве я выторговал право на первую редакцию, а теперь с каждой строчкой чувствовал, сколько на ней захотят повиснуть. Каждый привезёт свою правду: кому бензин из канистры, кому шины от знакомого. Управление потом потребует документы на всё.

Позвонил Костин. Я прижал трубку плечом и отодвинул чеки от края стола.

— По Громову проверю дальше, — он зашуршал бумагами и попросил меня пока оставить фамилию в своём блокноте. — Пока имей в виду: скупка идёт, и в область собираются его люди. На вывески смотри меньше, на фамилии в доверенностях больше.

— Нам сейчас помощников принесут на блюдечке, — отметил фамилию в блокноте и перевёл взгляд на дверь штаба. — Бухгалтеров, экономистов. Все с рекомендациями. Сам понимаешь, как удобно подсунуть одну красивую таблицу туда, где мы не успеваем сверять.

— Поэтому я и звоню, — Костин постучал чем-то по столу у себя и понизил голос. — Доступ к исходникам держи у своих.

Положив трубку, я перечитал две строки нашего будущего порядка работы. Цифра без источника в свод не попадёт. Проверивший расписывается рядом. Вслух это звучало скучно; после разговора с Костиным захотелось написать обе строки жирно, на двери.

Кулагина забрала бланк, прочла и вынесла его Люське. Я остался у стола с расходами. Пастухову удалось посадить меня за эту работу, но подсовывать ему собственную ошибку я не собирался. Отложил неподтверждённый рейс и раскрыл следующую ведомость.

Я сел на стол Лабазова: стулья разобрали, а ноги после Москвы гудели до самых коленей. В голове ещё ворочались чужие деньги и чужие обещания. Подо мной зашуршали бланки; пришлось вытащить их и сунуть юристу, пока окончательно не измял. На колени я положил первую редакцию кодекса, которую притащили юристы союза. Страниц в ней было пятьдесят. Осилить бы их до начала конкурса, а потом объяснить людям, за что собираемся спрашивать.

— Читаю вслух? — Разогнул затёкшие пальцы и подцепил первую страницу.

Кулагина сидела напротив, стиснув губы. Тамара Ильинична крутила карандаш со стёртым до дерева грифелем. Прохор Ильич, санврач, отвлёкся на двор: там пустая водочная бутылка гремела под ветром, застряв у крыльца. Люська ютилась в углу с тремя тетрадами и берегла их от юриста, который при каждом возражении хватал чужие записи.

— Читай, Данила Павлович. — Кулагина поправила очки и открыла свой экземпляр. — Если это пройдёт, мы все сдохнем раньше, чем конкурс объявят.

На первой странице я наткнулся на название статьи, длиной чуть ли не в абзац. Добрал воздуха, повёл пальцем вдоль строки. Ну-ка, попробуем с первого захода.

— «О порядке применения штрафных санкций за нарушение условий поставки товаров первой необходимости в условиях дефицита складских мощностей...» — Я перевёл дыхание и тряхнул страницей, пытаясь найти конец заголовка. На слове «мощностей» всё-таки закашлялся. Ну и читалка, чёрт бы её драл.

Юрист у двери подскочил, зацепившись галстуком за край раскрытой папки. Молодой парень в сером костюме, он ещё с первой минуты прикидывал, кому из нас нужно объяснить закон в первую очередь.

— Тамару Ильиничну хотят заставить добавить санитарные нормы! — Юрист выскочил на середину комнаты и заслонил мне лампу. — Их там нет! Это технический регламент, а не закон о питании! Вы хоть основания запишите, прежде чем...

— Сядь и дослушай. — Отодвинул стопку от края и указал юристу на его стул. Парень уселся, придерживая папку обеими руками.

У Тамары обломился грифель. Я подвинул ей свой карандаш: санитарный раздел всё равно будем писать под её диктовку.

— Тамара, ты слышала? Санитарии нет. Есть только штрафы за то, что кто-то не успел привезти гречку вовремя. А если в этой гречке блохи? Или плесень? Кого наказывать? Перевозчика? Или того, кто эту плесень в мешок засунул? — Я перелистнул раздел о приёме и показал Тамаре пустое место после требований к срокам.

Тамара положила обломок на стол и подняла на меня глаза. Зря я произнёс это таким тоном: свалил качество еды на неё одну, а сам эксперт сбоку.

— Напиши сам, Данила. Ты же эксперт. Тебе виднее, как кормить область. Но если дети в школах отравятся, а в кодексе будет написано про «дефицит складских мощностей», я тебя своими руками в эти мощности запихаю. Вместе с твоим юристом. — Тамара придвинула ко мне обломок грифеля и развернула раздел заголовком к юристу.

Рубашка прилипла к спине, хотя в комнате тянуло от окна. Я уже слышал будущий спор на складе: поставщик читает эту статью, кладовщик тычет в гнилую гречку, а прав у обоих по целому мешку. Нам требовалась формулировка, с которой кладовщик разберётся после ночной смены. И сумеет отстоять отказ, когда ему подсунут товар.

Проход фыркнул и развернулся от окна к нашему спору. Бутылка во дворе продолжала брякать; мне очень захотелось отправить к ней первый вариант кодекса.

— Знаете, что смешно? — Проход подтащил стул к столу и сел возле юриста. — Помню случай ещё до перестройки. Везли муку в детдом. Дорогу развезло. Машину трянуло, часть мешков лопнула. Мука просыпалась, намешалась с землей. Поставщик сказал: «Мы доставили груз в целостности, повреждение произошло в пути». И получил полную оплату. А директор детдома плакала, потому что детей кормили песком. По этому кодексу? — он ткнул пальцем в мою стопку бумаг, ноготь был грязным и коротко остриженным. — Поставщик прав. Штраф платит перевозчик. Но у перевозчика денег нет. А у поставщика — есть. И они оба будут смеяться, пока дети голодают.

Зоя будет читать этот пункт. Попробуй объясни ей потом, почему грязную муку оплатили.

— Переписать. — Перечеркнул прежнюю формулировку и оставил под ней место для новой. — Ответственность несет тот, кто виноват в цепочке. Не крайний. А тот, кто создал риск.

— Как это написать юридически грамотно? — юрист вытащил из-под моей стопки чистый лист и приготовил ручку.

— Пишите по-человечески, это же для склада! — Я отобрал у юриста старую статью и положил под его ручку чистый лист. — «Если товар испорчен из-за плохой упаковки — виноват завод. Если из-за плохой дороги или машины — виноват транспортник. Если непонятно — пусть решают вместе, а не скидывают вину на слабое звено». Три предложения, всё. Ну-ка, попробуем.

Люська зашуршала тетрадь, быстро водя ручкой.

— Записываю. «Правило вины в цепочке». Красиво звучит, как девиз бандитов. — Люська вписала заголовок в тетрадь и под ним отвела место для примеров.

— Для союза это договорное правило. — Прохор отодвинул к юристу раздел о перевозках и ногтем отчеркнул спорный пункт. — А поставщик, привыкший списывать брак на шофёра, за такую строку в горло вцепится.

В дверь ударили трижды, выдержали паузу и добавили ещё два стука. Зоя Ермолаевна всегда так давала о себе знать, даже когда приходила с чаем.

— Войдите, Зоя Ермолаевна, — я убрал со стула папки и поставил их у стены.

За ней посылали машину, и теперь она добралась до нас после работы: маленькая сухая женщина лет шестидесяти, в фартуке поверх платья. Мука оставалась в складках рук. На кухне её ждали кастрюли, здесь ждал наш кодекс. Если Зоя застрянет в формулировке, придётся переписывать при ней, хоть весь вечер.

Стоило Зое посмотреть на юриста, как тот побледнел и съехал на край стула.

— Здорово, начальники. — Зоя обтоптала валенки у порога и опустила чай на свободный угол. — Чего звали? Чай несла, но остыл уже, пока по лестнице шла. Второй этаж — ад для моих ног.

— Садись, Зоя. — Я отвёл табуретку от прохода и помог ей устроиться ближе к лампе. — Будешь читать наш кодекс вслух. Только медленно, чтоб успели переписать, где непонятно.

Зоя хмыкнула, развернула перед собой первую попавшуюся страницу. Её палец, толстый и узловатый, пополз по строчкам, оставляя следы муки на бумаге.

— «В случае несвоевременного предоставления отчётности... штрафные санкции применяются к лицу, осуществляющему хозяйственную деятельность...» — Зоя дочитала до середины и перевернула лист, разыскивая пояснение. — Это кто такое «лицо»? Повар? Кладовщик?

— Юридическое лицо, — юрист вытащил из Зоиной стопки первую страницу и показал ей реквизиты союза.

— А повар? — Зоя накрыла ладонью реквизиты и вернула юристу страницу со словом «лицо». — Повар тоже лицо. У него есть нос, рот, уши. И если ему не привезли масло, он не может сделать кашу. Так по нему и штраф?

Повар мог попасть под штраф, потому что нам лень было дописать одно слово. Я потёр переносицу костяшкой пальца и вернулся к тексту. Хороши же мы эксперты, мать нашу.

— Нет, исправим. — Вписал рядом «поставщик» и соединил стрелкой с пунктом о доставке. — «Лицо» — это те, кто отвечает за доставку и приёмку. Повар отвечает за то, что принимает товар. Если товар плохой — повар не обязан его брать. Это его право.

Зоя откусила хлеба из кармана фартука. Крошки посыпались на документы, и юрист осторожно отодвинул свой экземпляр.

— Вот это дело. А теперь вот тут... — Зоя придержала хлеб на колене и подвинула раздел к самому свету. — «Штраф начисляется за каждый день просрочки поставки продуктов питания в размере двух процентов от стоимости контракта».

Она задержала палец на строке о штрафе. Я уже примерял эту строку к накладной, которую принесут в школу.

— Зоя? — Прохор подался через стол и проследил за её пальцем до спорной строки. — Что не так?

— Да понятно всё. — Она дожевала кусок и постучала ногтем по слову «получатель». — Только наоборот. Если школа заказала сто тонн картошки, а поставщик привез пять тонн, но опоздал на неделю... Школа должна заплатить штраф?

Кулагина вскочила. Стул отъехал так, что Люське пришлось подхватить свои тетради с соседнего края.

— Черт возьми, Зоя! Ты читаешь между строк? Штраф платит поставщик, а не школа! Школа получает товар, а не дает его! — Кулагина подхватила свой экземпляр и поднесла к глазам, выискивая эту строку.

— А как я узнаю? — Зоя стряхнула крошки с фартука и предъявила Кулагиной страницу. — Тут написано: «применяются к получателю». Получатель — это школа. Кто получатель, тот и платит. Разве не так?

Теперь Кулагина сама читала текст Зоинными глазами. По этой строке чиновник мог взыскать деньги со школы: достаточно объявить получателя виноватым. Подписал бы директор акт под конец смены — и пошёл искать средства на чужой штраф.

— Это ловушка! — Кулагина свела оба экземпляра и подчеркнула одинаковое слово в каждом. — Они напишут так, что мы сами себя будем наказывать!

— Тише! — Я перехватил у Кулагиной страницу и положил перед юристом. — Зоя права. Текст мутный. «Получатель» — слово опасное. Его можно применить к кому угодно. К директору, к бухгалтеру, к тому, кто открыл дверь.

Я взял со стола маркер и снял колпачок. Палец соскользнул с гладкого пластика; пришлось перехватить крепче.

— Переписываем. За нарушение согласованного срока поставщик платит договорный штраф получателю. Убытки внутри цепочки взыскиваем с того, чья вина подтверждена: плохая упаковка с завода, неисправная машина у перевозчика. Отправитель не отвечает автоматически за чужое нарушение. А получатель имеет право вернуть товар без экспертизы, если он испорчен или не соответствует заявленному объёму. Тут же оформляем акт отказа: что привезли, в чём брак, сколько возвращаем. Очевидный изъян не заставляем доказывать за счёт школы. Так и пишите: «Не подошло. Увозите». — Вписал порядок отказа на свободном поле и передал юристу лист для чистовика.

— Вот теперь понятно. «Не подошло — увозите». Это по-нашему. — Зоя провела пальцем по короткой записи и повернула её к Тамаре.

— Данила, ты хочешь убить союз? Если мы дадим такое право, нас будут возвращать тоннами. Из вредности. Из мести. — Кулагина вытянула из стопки условия возврата и поставила рядом свой расчёт убытков.

— Нет, мы дадим право честным людям. — Я отодвинул расчёт от Зоинной чашки и дописал требование об акте брака. — А мошенников оставим без защиты. Если товар нормальный — никто его не вернёт. А если гнилой — зачем его хранить? Чтобы потом выбрасывать за свой счёт?

Глава 2

Я снова прочёл исправленную строку. Поставщик платит получателю; дальше разбираются с виноватым по акту. На кухне можно будет положить этот лист перед водителем и показать, почему гнилую гречку увезут обратно.

За окнами стемнело. Лампочка мигала, и мы передвигали страницы под более светлую часть стола. Юриста я отправил домой с чистовиком: пусть сводит наши правки. Здесь ещё разбирали содержание пунктов, которое он потом перенесёт в чистовик.

За работой остались мы четверо: я, Тамара, Кулагина и Люська. Прохор ушел проверять склады. Зоя осталась пить чай с баранками, которые притащила Люська.

В примечаниях Тамара добивалась точных условий хранения овощей, а Кулагина требовала учесть график машин. Стоило одной дописать норму, другая находила рейс, на котором её нарушат ещё до разгрузки.

— Если мы пропишем каждую мелочь, мы никогда не договоримся, — Кулагина отложила свой раздел и подвинула к Тамаре график машин. — Нужно оставить пространство для интерпретации.

— Интерпретация — это дыра, куда залезут воры, — Тамара зачеркнула слово «примерно» и обвела норму хранения. — Всё должно быть четко. До грамма. До секунды.

От двух голосов ныло над глазами. Я поочерёдно прикладывал их поправки к одному рейсу: сколько пролежит овощ на базе, когда поедет машина, кто примет поздним вечером. На этом и застряли. Значит, надо разложить обязанности так, чтобы каждый увидел свою.

— Погодите, мы так до седых волос спорить будем. — Разложил разделы перед ответственными и вывел заголовок на свободном листе. — Разделим стандарт. Тамара пишет санитарию, Кулагина финансы, Прохор логистику и хранение. Спорное выносим сюда, в «Карту битв». Пусть каждый распишется за своё, а потом сведём.

— Красивое название. — Люська нарисовала рамку вокруг заголовка и освободила следующую страницу под спорные пункты. — Звучит как название боевика.

— Ну так это и есть боевик. Только стреляем чернилами. — Я примерил обломок карандаша к полям и вывел первую спорную строку: время приёмки вечерней машины.

До рассвета мы исписали поля и добрались до оборотов страниц. Тамара с Кулагиной спорили, остывали за чаем, затем возвращались к той же строчке с конкретным рейсом или сроком хранения. Чай грели в общем котелке на плитке. Кулагина сама долила Тамаре кипятку, придерживая за горячее ушко её кружку; та в ответ отодвинула от брызг финансовый раздел. Вот с этого места договор пошёл легче.

Под утро из окна потянуло холодом. Я прикрыл форточку и поставил перед Зоей новый вариант штрафного раздела.

Зоя придвинулась к столу. Она водила пальцем под строками и время от времени возвращалась к началу предложения; я ждал, на каком слове опять споткнётся.

— Ну что, Зоя, осилила? — Потянулся за остывшим чаем и отставил чашку: пока она читала, пить расхотелось.

Зоя подняла голову, и я разглядел у неё в уголках глаз смешинки.

— Понятно, Данила Павлович, — Зоя подвинула ко мне прочитанный лист и сняла с него свои очки. — Всё понятно. Ни одного тёмного угла.

Она прочла вслух весь исправленный пункт. Мы с юристом раньше задыхались уже на заголовке; Зоя дошла до конца и только потом перелистнула.

На следующем листе стояло: «Статья 5. Право возврата товара». Она задержалась на новом заголовке и поднесла лист ближе к глазам.

— А вот это откуда? — Зоя придержала страницу за нижний угол и повернула ко мне заголовком.

— Твоя идея, Зоя. Ты сказала: «Не подошло — увозите». — Я отыскал в старом варианте её помету и положил рядом с чистовиком. Зоя захихикала, прикрыв рот тыльной стороной ладони. Я тоже улыбнулся. Даже у Кулагиной отпустило губы: теперь в кодексе было хоть одно правило, которое можно объяснить в очереди за хлебом.

Зоя вернулась к странице о приёмке и постучала костяшкой по полю. — А можно ещё одно добавлю? — Зоя подняла очки повыше и отодвинула чашку, освобождая мне место для записи. — Про повара.

— Добавляй, для повара место найдём. — Развернул последнюю страницу полями кверху и приготовил маркер. Она положила хлеб на колено, высвобождая руку для следующей страницы. — Пусть напишут: «Повар имеет право не принимать товар, если запах не тот». Обычным нюхом, без экспертиз. Нас обмануть нельзя, мы носом чувствуем. — Зоя отломил ещё хлеба, понюхала мякиш и поднесла мне: вот тебе и проверка прямо за столом.

На полях я вывел: «Право носа». Крупно, чтобы юрист, когда получит дополнение, сразу заметил эту строку.

— Это войдёт в кодекс? — Тамара перетянула лист к себе и прочла мою надпись над самым столом.

— Это станет оружием. — Я обвёл надпись и поставил рядом своё имя: прятаться за Зою потом было бы свинством. — На конкурсе мы покажем, как работает эта статья. Живём.

Первую редакцию мы согласовали. Люди разбирали листы, сверяли свои подписи и уносили по экземпляру: в следующий раз спорить о приёмке будут уже с этим текстом в руках. Я придержал у себя один комплект для конкурса. Надо ещё добиться, чтобы чужие поставщики расписывались под теми же условиями.

Щербаков задержался у порога. Я поднял голову от комплектов.

— Всё чисто, Данила Павлович? — Щербаков заглянул за открытую дверь и прикрыл её, пропуская последнего уходящего.

— Пока да. Но мы забыли про главное. — Собрал разрозненные страницы и оставил сверху список конкурентов.

Я поднялся размять спину. Люська складывала тетради по порядку, подворачивая между обложками загнутые листы.

— Теперь посмотрим, кто подсел к нашим конкурентам. Инспектор должен быть внутри. — Я нашёл в списке «Контур-поставку» и вписал рядом фамилию Зарудного.

Люська собирала тетради, дожидаясь, какое из поручений ещё достанется ей. Я подтянул куртку со свободного края стола.

— Я займусь. — Щербаков отступил к выходу и достал ключи от машины.

— Нет. — Снял со стола свою куртку и вслед за ним вышел в коридор. — Ты отвезешь меня к Гридасову. Нам нужна легальная крыша для одного человека.

У лестницы я убрал список во внутренний карман и спустился к машине. С формулировками мы разобрались, теперь предстояло добыть человека, который проверит чужие цифры изнутри.

Мелкий дождь забивался под воротник. Я ждал Зарудного у крыльца налоговой и каждые несколько минут проверял часы. Смена закончилась десять минут назад; его всё держали бумаги. После нашей прошлой встречи он успел передать акт Кулагиной, а сейчас снова сидел допоздна. При таком рвении у человека остаётся разве что время дойти домой и высушить ботинки. Хорошую жизнь я собирался ему предложить, очень хорошую.

Дверь скрипнула, выпуская свет на мокрые ступени. Зарудный прижал портфель к груди и вышел под козырёк. За стеклом ещё горела лампа в коридоре налоговой.

— Данила Павлович, вы ко мне? — Зарудный увидел меня под козырьком и придержал дверь локтем, пропуская выходящую следом сотрудницу.

— Тебе тоже привет, Зарудный. — Я отошёл от стены и открыл зонт над нами. — Пройдёмся?

Мы двинулись вдоль закрывающихся магазинов. Под одним зонтом приходилось держаться близко; Зарудный раз за разом уступал мне место и мочил собственное плечо. Капля сорвалась с края прямо за мой воротник. Я поёжился и передвинул зонт обратно к нему.

— Я слышал, ты теперь эксперт. — Зарудный переступил через лужу и подхватил портфель повыше, подальше от брызг. — Говорят, ты Пастухова на протоколе расквасил.

— Слухи преувеличены. — Придержал зонт над его портфелем и повернул с тротуара во двор. — Пастухов жив, здоров и злее прежнего.

За детским садом нашёлся тихий дворик с облупившимися стенами и старым деревом. Под листьями было чуть суше. С соседней улицы доносился шелест шин, женщина с коляской окликнула кого-то у ворот; мы переждали, пока она уйдёт.

— Мне нужен человек внутри «Контур-поставки». — Я остановился под деревом и повернул зонт повыше, чтобы видеть его лицо. — Они просят выделить специалиста для сверки конкурсной документации. Ты войдёшь официально по командировке; о нашей договорённости им знать незачем. Там сейчас хаос, бумажная волокита. Нужен тот, кто сможет видеть цифры так, как их видишь ты.

Зарудный снял очки. Попробовал стереть со стекла дождь рукавом, оставил широкую полосу и всё-таки надел обратно. Мне пришлось глядеть на него через эту мутную полосу.

— Ты предлагаешь мне шпионить. — Зарудный отвёл зонт от лица и вышел из-под него под дождь. — Я налоговый инспектор, Грач. Считаю налоги, проверяю декларации. У меня есть совесть, которая стоит дороже любой зарплаты в области. И эта совесть говорит мне, что быть стукачом — это дно.

Я дал ему договорить. Слово «стукач» повисло между нами; подбери я сейчас оправдание, он уцепится за мою попытку оправдаться и на том закончит разговор.

— Ты не будешь доносить. — Догнал его у дерева и снова поднял зонт над нами обоими. — Ты будешь считать. Разница огромная.

— Для кого? — Он стёр воду со стекла очков и попробовал разглядеть меня сквозь оставшиеся разводы. — Для тебя или для закона?

— Для детей, которым везут просроченную кашу. Директор побоится спорить с поставщиком, а ты положишь перед ним акт. Для стариков, которым хлеб взвинчивают одним звонком из Москвы. Договорятся там — здесь иди и плати, куда денешься. — Я отвёл зонт от мокрого ствола и встал с инспектором на сухой пяточок. — Найдёшь двойную бухгалтерию, покажешь цифры. Пусть по ним и отвечают. Что тут стукаческого?

Дождь застучал по листьям громче. Зарудный стоял, вдавив носок ботинка в размокшую землю. Где-то за кварталом завывала скорая; я проводил звук, пока тот уходил к большой улице.

— «Контур-поставка»... — Зарудный опустил портфель на колени и закрыл рукой замок от дождя. — Я слышал об них. Говорят, там работают люди с большим сроком и большими связями. Меня туда не возьмут. Да и зачем мне это? Чтобы через месяц меня уволили за «некомпетентность»? Или однажды исчезну, и служебный портфель дома останется?

— Думаю, возьмут. — Отодвинул ногой щепку с сухого пяточка и дал Зарудному встать поближе. — Они ведь приглашали специалиста на сверку. А увидят тебя, решат: работающий честный дурак, всё проверит, потом подпишется. Такой им очень удобен. Станешь задавать лишние вопросы — надавят через начальство. Вот до этого и надо успеть разобраться в цифрах.

Зарудный пригляделся ко мне сквозь мокрые очки. При словах о приглашённом специалисте он перестал тереть замок портфеля. Похоже, примерял, о чём его будут спрашивать.

— Ты откуда взял, что они так на меня посмотрят? — Он перехватил меня за рукав и задержал возле дерева.

— По словам Гридасова, у них уже консультирует твой бывший начальник Степан Петрович. — Я высвободил рукав и повернулся к Зарудному всем корпусом. — Он вполне может тебя рекомендовать. Биографию проверят на связи с конкурентами, милицией, службой безопасности, а налоговую они знают. Там найдут, у кого спросить, как ты работал. Избавляться от хорошего специалиста только из-за честности им ещё рано.

Услышав про Степана, Зарудный скривил рот. Про историю с бывшим начальником он рассказывал ещё прежде: год назад тот рекомендовал его на повышение, а во время передела рынка сдал вместе с отделом. Теперь предлагалось снова прийти к нему, дожидаться одобрительного кивка, выслушать похвалу. Меня бы тоже передёрнуло.

— Степан меня привёл бы? — Зарудный сжал ручку портфеля и отступил на выступающий корень. — Он меня ненавидит.

— Он хочет показать свою власть. — Подвинулся следом и удержал зонт над его плечом, которое он опять высунул под дождь. — Он скажет хозяевам: «Смотрите, вот человек, которого я когда-то считал лучшим. Теперь он мой подчиненный. Это значит, что я все еще могу выбирать лучших». Его это важнее его ненависти. Он использует тебя, чтобы возвыситься. А ты используешь его, чтобы войти внутрь. Это симбиоз, Зарудный. Грязный, но эффективный.

Вода стекала с волос Зарудного на воротник. Он сунул палец под мокрую ткань и провёл вдоль шеи. Я сжал ручку зонта, собираясь напомнить о времени, но дождался его ответа.

— Мне нужны сутки. — Зарудный пробовал застегнуть мокрую пуговицу у горла и в конце концов прикрыл ворот ладонью, удерживая ткань под подбородком. — Надо подумать, смогу ли смотреть им в глаза. Они же знают, кто я такой.

— Подумай. — Я отвёл низкую ветку и вывел Зарудного на тропинку. — Завтра утром Гридасов передаст основание проверки в твоё управление. Дальше начальник решает командировку: временная сверка по социальным закупкам. С таким предписанием придёшь и будешь работать по нему. Спросят, зачем явился, покажешь подпись. Пусть спорят с ней, если сильно захотят.

У выхода со двора он оглянулся на меня и кивнул. Я остался под деревом, давая ему уйти одному.

— Жду звонка. — Зарудный обошёл глубокую лужу и вернулся на тротуар. Он уже смотрел в сторону налоговой, прикидывая, с кем говорить утром.

Я достал сигарету и подержал между пальцев. Табак отсырел; пришлось спрятать её обратно. Зарудный согласился думать о деле всерьёз. Теперь требовалось официальное задание с подписью начальника, чтобы на входе в «Контур» у него был ответ и для охраны, и для Степана.

Договорившись, я вернулся в штаб, а потом созвонился с Гридасовым. Он взялся передать материалы в налоговое управление. Листы кодекса мы с Люськой убрали под замок и разошлись спать.

Утром гроза трясла оконные стёкла. Я разбирал страницы кодекса, когда в дверь постучали наш условленный срочный стук: три быстрых удара. Из-за грома едва расслышал последний.

Зарудный вошёл со сложенным листом в руке. Снял мокрое пальто и повесил у двери; вода продолжала капать с рукавов на порог, пока он искал свободный край стола.

— Приказ в налоговом управлении подписали? — Освободил край стола и протянул руку за листом.

— Подписали, вот предписание. — Зарудный расправил сгиб и придвинул бумагу подписью ко мне. — Командировка на три месяца. Проверка хозяйственной деятельности участ-

ников конкурса на право поставки продуктов в учреждения образования области. «Контур» отдельно не выделен. Обычная сверка по заданию.

Я проверил подпись начальника налогового управления и предмет сверки. Командировка открывала Зарудному переданный для проверки комплект, и работу надо было держать в границах этого задания. Степан с кадровиком непременно захотят расширить её на словах или заставят отвечать за чужую подпись.

— Степан Петрович подтвердил, что ты придёшь сегодня в два часа согласовать работу по командировке. — Зарудный вытер мокрые ладони о брюки и убрал портфель с края стола, куда капало с рукава. — Сказал, что им нужен человек, который сможет разобраться в свалке документов перед подачей заявки. Обещал золотые горы.

— Золотые горы бывают только в сказках. — Я проверил последний лист и вернул предписание в раскрытый портфель. — А в жизни бывают ямы. Но ты знаешь, как их обходить.

Зарудный придержал замок портфеля, чтобы тот опять не защёлкнулся, и проверил, на месте ли служебное удостоверение. Потом остался возле стола, явно собираясь спросить ещё что-то.

— Я пойду. — Он застегнул замок и поднял портфель за ручку. — Что делать, если начнут задавать прямые вопросы? Про связи, про мотивы.

— Больше слушай, пусть сами разговаряются. — Обошёл стол и проводил его к двери, придерживая за локоть в узком проходе. — Паузы заполнять за них незачем. Спросят про сверку — объясни, что проверяешь. Начнут про связи — напони о задании. Очень скучный инспектор им быстро надоеет, зато бумаги перед тобой останутся.

Отдельно напомним о рекомендации Кулагиной в комиссию. Командировка шла своим порядком, кандидатуру ещё предстояло утвердить другим решением. Завершит сверку — представит выводы как специалист. Эти два основания мы проговорили вслух, чтобы Степан потом их ловко не смешал.

— Спасибо, Данила Павлович. — Он накинул на плечи ещё влажное пальто и поправил выбившийся воротник. — За совет.

— За работу отблагодаришь. — Я придержал дверь для Зарудного и отступил, освобождая лестницу. — Отчёт передашь через Люську, в киоске на углу Ленина. Купи «Известия», внутри будет конверт. Вложи копии из рабочего комплекта, оригиналы оставляй на месте. Нам нужно проверить цифры, а заодно сохранить тебе право вернуться туда завтра.

Зарудный развернулся и вышел. Дверь хлопнула, заглушив гром.

В штабе стало слышно, как дождь хлещет в отлив. На часах половина первого. До двух у Зарудного оставалось добраться в «Контур» и обсохнуть перед чужими глазами; я отодвинул его место и занялся страницами, которые обещал свести к вечеру.

О встрече и первом дне сверки я узнал из вечернего рассказа Зарудного и его записей. Люська положила конверт на стол, и мы развернули восемь накладных. Я сверял строки, пока она передавала его рассказ.

Зарудный описал офис в бывшем НИИ в самом центре. На входе турникеты, к лифту нужен ключ, в переговорной пахнет дорогим кофе. Я оглядел нашу плитку с чёрным котелком и попросил Люську читать дальше: на кофе налоговый инспектор времени там всё равно потерял мало.

В переговорную его провела секретарша. Степан Петрович уже сидел рядом с женщиной лет сорока в строгом костюме. Перед ней лежал блокнот. В своём рассказе Зарудный называл её кадровиком, хотя вопросы, по его словам, больше подходили безопаснику.

— Зарудный, мой бывший сотрудник. — Степан указал на вошедшего и придвинул к женщине предписание. — Лучший специалист по сверкам в области. Рекомендую всем сердцем.

На словах «всем сердцем» Зарудный при пересказе поморщился. Похвалу Степана он запомнил дословно. Женщина поверх очков разглядывала вошедшего, и ему пришлось выдерживать её осмотр.

— Здравствуйте, рад познакомиться. — Зарудный прикрыл за собой дверь и дошёл до предложенного места. Потом он признался нам, что боялся выдать себя уже на приветствии.

— Присаживайтесь, Артём Витальевич. — Женщина носком туфли выдвинула для него стул и раскрыла блокнот. — Нам нужны люди, которые умеют держать язык за зубами. И которые умеют быстро считать. Вы соответствуете первому критерию?

— Я прикомандирован к вам на сверку. — Он сел и положил портфель замком к себе. — Государство платит мне зарплату за то, чтобы я не болтал лишнего.

— Хорошая формулировка. — Женщина подцепила из папки бланк соглашения и перевернула лицевой стороной вниз. — Но нас интересует не государство. Нас интересует конфиденциальность. В нашем деле утечка информации означает смерть бизнеса. Буквально.

Проверку она устроила сама: позвонила с дискового аппарата, при Зарудном набрала номер и переговорила, прикрыв трубку ладонью. Тех слов он разобрать не сумел. Зато следующее запомнил хорошо.

— Сейчас вам позвонят на мобильный. — Женщина сверила набранный номер с записью и отодвинула дисковый аппарат от своего локтя. — Это стандартная процедура проверки кандидатов на должности с доступом к финансовой документации. Ответьте честно.

Мобильный завибрировал в его кармане. На экране определился скрытый номер. Женщина смотрела, пока он доставал телефон.

— Алло, слушаю вас. — Зарудный принял звонок и прижал мобильный к уху.

Зарудный передал в записи и вопросы звонившего. Голос он описал низким, с московским выговором. Я вернулся к началу записи, когда услышал название холдинга.

— Добрый день, это служба безопасности компании «Стройинвест-холдинг». Провожу плановую проверку контрагентов. Скажите, вы знакомы с директором этого холдинга, Геннадием Львовичем Орловым? — Зарудный устроил трубку удобнее и освободил правую руку, чтобы придержать предписание.

На Орлове инспектор всё-таки помедлил — сам признался. Фамилия уже попадалась в наших бумагах рядом с людьми Пастухова. Женщина продолжала наблюдать за ним.

— Нет, не знаком. — Он расправил край предписания и опустил обе ладони на стол: вцепиться сейчас в бумагу значило выдать себя перед женщиной. — Я никогда не пересекался с этим человеком.

— А с представителем Управления программ, Всеволодом Ильичом Пастуховым? — Зарудный перестал возиться с бумагой и опустил свободную руку на портфель.

— Тоже нет. Я обычный налоговый инспектор. Моя работа — цифры в декларациях, а не политика в кабинетах. — Он открыл замок портфеля и достал служебное удостоверение: при нужде повторит ответ с документом в руках.

Звонивший помолчал. Зарудный потом уверял, что слышал в трубке собственный вдох, настолько сильно прислушивался.

— Хорошо, проверка завершена. Благодарим за сотрудничество. — Зарудный убрал удостоверение и проверил, завершился ли вызов. Женщина ждала, пока он опустит телефон.

В записи Зарудный отметил, как женщина следила за экраном его телефона до самого конца проверки.

— Это все вопросы? — Зарудный положил мобильный перед женщиной и прикрыл замок портфеля ладонью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.